

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

HISTORICAL SCIENCES

УДК [947.084:930.1](470.67)

DOI: 10.24411/2078-1024-2020-13001

Каймаразов Г.Ш., Каймаразова Л.Г.

ЖЕНСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ДАГЕСТАНЕ В ПЕРВЫЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В РЕГИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ 1920 – 1930-Х ГОДОВ

Каймаразов Гани Шихвалиевич, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела новой и новейшей истории Дагестана Института истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра Российской академии наук, Махачкала, Россия, e-mail: kaymarazova@mail.ru, тел.: +7 (928) 941 28 06

Каймаразова Лейла Ганиевна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела новой и новейшей истории Дагестана Института истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра Российской академии наук, Махачкала, Россия, e-mail: kaymarazova@mail.ru, тел.: +7 (928) 941 28 06

Аннотация

Статья посвящена теме, разработка которой позволяет определить как степень ее изученности, так и новые исследовательские рубежи актуальной на сегодняшний день проблемы обеспечения доступа женского населения ко всем формам образования на начальном этапе советской модернизации в многонациональном регионе страны, где на протяжении рассматриваемого периода сохранялось существенное влияние норм ислама и местных традиций. С использованием принципа историзма, сравнительно-исторического, хронологического, статистического методов и системного подхода показано, что региональные историографические наработки сохранили уникальные свидетельства о том, как в 1920–1930-е гг. женщины-горянки многонационального горного края ликвидировали свою неграмотность и малограмотность, а наличие общего, среднего и высшего профессионального образования позволяло им все увереннее занимать достойное место в различных отраслях народного хозяйства и культуры.

Авторы охарактеризованных работ являлись общественными и государственными деятелями, практическими работниками, корреспондентами периодических изданий, демонстрируя приверженность идеям социализма, социалистического строительства, внесли свой весомый вклад в региональную историографию женской истории 1920–1930-х гг., заложив основы исследований будущих поколений историков.

Ключевые слова: региональная историография, Дагестан, женщина-горянка, традиции, ислам, женское образование, периодическая печать, ликвидация неграмотности, общеобразовательная школа, подготовка женских кадров.

Для цитирования: Каймаразов Г.Ш., Каймаразова Л.Г. Женское образование в Дагестане в первые десятилетия советской власти в региональной историографии 1920–1930-х годов // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2020. Вып. 3(46). С. 13–28. DOI: 10.24411/2078-1024-2020-13001.

Kaymarazov G.Sh., Kaymarazova L.G.

WOMEN'S EDUCATION IN DAGESTAN DURING THE FIRST DECADES OF THE SOVIET POWER IN THE REGIONAL HISTORIOGRAPHY OF 1920S – 1930S

*Kaimarazov Ghani Shikhvalievich, Doctor of History, a professor, a chief researcher of the Department of Modern and Contemporary History of Dagestan Institute of History, Archeology and Ethnography of the Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Makhachkala, Russia,
e-mail: kaymarazova@mail.ru,
tel.: +7 (928) 941 28 06*

*Kaymarazova Leyla Ghanievna, Candidate of History, a leading researcher of the Department of Modern and Contemporary History of Dagestan Institute of History, Archeology and Ethnography of the Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Makhachkala, Russia,
e-mail: kaymarazova@mail.ru,
tel.: +7 (928) 941 28 06*

Abstract

The article considers the relevant problem of ensuring access of the female population to all forms of education at the initial stage of the Soviet modernization in the multinational region of the country, where significant influence norms of Islam and local traditions remained during the considered period under review.

The authors use the principle of historicism, comparative historical, chronological, statistical methods and a systematic approach to show that regional historiographic developments have preserved unique evidence of the fact that in the 1920s – 1930s mountain women of the multinational mountainous region eliminated their illiteracy, and the availability of basic, secondary and higher vocational education allowed them to take a worthy place in various sectors of the national economy and culture.

The authors of the described works were public and state figures, practitioners, correspondents of periodicals, demonstrating their commitment to the ideas of socialism, socialist construction; they contributed significantly to the regional Historiography of women's history in the 1920s – 1930s, laying the foundations for research for future generations of historians.

Keywords: regional Historiography, Dagestan, woman mountaineer, traditions, Islam, women's education, periodicals, abolition of illiteracy, basic school, training of female personnel.

For citation: Kaymarazov G.Sh., Kaymarazova L.G. Women's education in Dagestan during the first decades of the Soviet power in the Regional Historiography of 1920s – 1930s // Vestnik Maykopskogo Gosudarstvennogo Technologicheskogo Universiteta. 2020. Issue. 3 (46). P. 13–28. DOI: 10.24411/2078-1024-2020-13001.

В наши дни неуклонно возрастает роль женщин в экономической и политической жизни развитых стран. В России на протяжении XX в. активно шел процесс вовлечения женщин в общественное производство. К началу 1980-х гг. по уровню занятости они сравнялись с мужчинами, а к концу 1980-х гг. – обошли их по уровню образования [16, с. 89]. Именно сфера образования стала той областью жизнедеятельности, в которой женщины в наименьшей степени ощущают нарушение своих прав [4].

В осуществлении российской государственной политики в области образования женского населения страны просматривается несколько этапов, и связаны они с господствовавшим в обществе и политической эlite пониманием сущности женского вопроса, идеологии по отношению к женщине [30]. Один из них пришелся на начальный период советской модернизации страны. В первые десятилетия советского периода исторического развития страны ставилась, по сути, революционная задача «освобождения женщин от наследия царского режима» и установления системы, в которой они на всех уровнях – от производственного и общественно-политического до семейно-бытового – обладали бы равными правами с мужчинами.

Согласно марксистско-ленинской концепции решения женского вопроса, наряду с вовлечением в общественное производство, обобществлением быта непременным условием достижения равноправия полов было широкое образование женщин. Работа по ликвидации неграмотности, повышению общеобразовательного и профессионального уровня проводилась прежде всего при самом

активном участии органов государственной власти и партийных органов. В качестве первоочередной выдвигалась задача ликвидации неграмотности женщин.

Постепенно ей на смену пришла задача по активному вовлечению женщин в общее, среднее и высшее профессиональное образование, что во многом было продиктовано экономическими интересами государства. А во второй половине XX в. именно уровень образования стал основным показателем фактического равенства женщин с мужчинами. Развитие системы женского образования обеспечивало женщинам равные права для профессиональной самореализации, активного участия в общественном производстве, в общественно-политической и культурной жизни страны и региона.

За годы советской власти произошли радикальные изменения, обеспечившие доступ женского населения многонационального региона, в котором на протяжении всего рассматриваемого периода сохранялось существенное влияние норм ислама и местных традиций, ко всем формам образования. В дагестанском обществе появился запрос на интеллектуальный потенциал женщин, в первую очередь в сфере образования и здравоохранения.

Региональная, в том числе дагестанская, историография о женском образовании в первые двадцать лет после установления советской власти остается одной из малоизученных проблем. В предлагаемой статье мы предприняли попытку восполнить этот пробел, опираясь, прежде всего, на принцип историзма, сравнительно-исторический, хронологический, статистический методы и системный подход, которые позволили

нам осветить основные вопросы, поднимавшиеся в публикациях 1920–1930-х гг. Новизна статьи состоит в том, что последовательно изложенное, увязанное с исторической картиной развития многонационального региона осмысление первоначальных этапов изучения интересующей нас проблемы будет способствовать более системному и глубокому развитию современных исторических и историографических знаний.

Специальных исторических исследований о состоянии женского образования в регионе в 1920–1930-е гг. практически нет. На этапе становления советской историографии преобладали относительно небольшие по объему публикации, в которых рассматривались отдельные вопросы интересующей нас темы. Преимущественно это были статьи и корреспонденции, печатавшиеся в республиканской газете, которая до 1922 называлась «Советский Дагестан», затем до марта 1932 г. – «Красный Дагестан», а после стала носить название «Дагестанская правда». Материалы о повышении интереса женщины к образованию и культуре публиковались и в газетах на языках народов Дагестана, и в северокавказских периодических изданиях: в частности, в политико-экономическом ежемесячнике Краевого комитета ВКП(б) и Краевого исполнительного комитета «Революция и горец», газете «Молот» – также органа Краевого партийного комитета и Крайисполкома. Данные о положении дагестанской горянки на производстве, в быту, ее образовательно-культурном уровне и правовом положении можно встретить в журналах «Звезда» (печатный орган областного комитета РКП(б) и ВЛКСМ), «Плановое хозяйство Дагестана» (издание Госплана ДАССР), с начала 1930-х гг. – в журнале «Социалистическое строительство в Дагестане», а также в центральной печати.

Статьям о культурном строительстве в регионе, печатавшимся в краевых периодических изданиях, впрочем, как и

другим публикациям того времени, был присущ вдохновенно-эмоциональный стиль. Хотя они и содержали критику просчетов и недостатков в культурном строительстве, в том числе в вовлечении в этот процесс женщин-горянок, характер публикаций должен был соответствовать пафосу высокой активности развернувшегося в стране культурного строительства, а сами они – внедрять в сознание читателей неисчерпаемые возможности утвердившегося в стране после Октября 1917 г. политического, социального и экономического строя и курса на осуществление в сжатый срок культурной революции.

Современники описываемых событий так характеризовали ситуацию с положением дел в области женского образования до революции 1917 г.: «Женщине под страхом смертной кары шариата, обычая и т.д. запрещалось учиться грамоте. И только после установления советской власти они получили возможность поднимать свой культурный уровень, активно участвовать в деле социалистического строительства» [19, с. 70].

На страницах изданий в начале 1930-х гг. по интересующему нас вопросу высказывались известные в те годы авторы А. Горянинов, Ф. Перебийнос, Б. Астемиров, А. Мехтиханов, Н. Мальсагов и др. Заметный рост числа журнальных публикаций был отмечен в период проведения в республике культсанпохода, и акцент в них делался на ликвидации неграмотности женщин. Так, в статье А. Горянинова «Советский Дагестан на путях культурной революции», напечатанной в журнале «Революция и горец» в 1931 г., говорилось, что если в 1928–29 гг. в республике ликвидировали неграмотность 19,9 тыс. человек, то в 1930–31 гг. уже 150 тыс., причем 50% ставших грамотными составляли женщины [8, с. 32]. В опубликованной в том же номере журнала статье Б. Астемирова «Большевистские победы Дагестанской парторганизации на фронте культурной революции» приводились сведения о том, что на

1 марта 1932 г. в ликпунктах республики обучалось 103 434 женщин [3, с. 187].

Ряд статей о культурной жизни Дагестана напечатал в первой половине 1930-х гг. А.А. Тахо-Годи – видный деятель просвещения, с 1921 по 1929 гг. нарком просвещения ДАССР, а затем – директор Центрального научно-исследовательского педагогического института национальностей и заместитель заведующего отделом школ и учебных заведений ЦК ВКП(б). В одной из своих статей, опубликованной в журнале «Революция и национальности» (печатный орган Совета национальностей ЦИК СССР и Коммунистической Академии), А. Тахо-Годи подверг резкой критике руководителей национальных республик и областей за то, что на места, специально выделенные для региона с целью подготовки специалистов в центральных вузах и в высших учебных заведениях других городов страны, направлялись лица, которые в льготах не нуждались, и «зачастую забывали, что и броня устанавливается только для культурно отсталых нацмен для оказания им особой помощи в деле подтягивания культурно отсталых нацмен» [27, с. 87]. Можно не сомневаться, что А. Тахо-Годи имел в виду и повышение образования девушек-националок.

Новации советской власти в сфере образования постепенно пробивали себе дорогу, несмотря на трудности, связанные с крайней нехваткой материально-финансовых средств, подготовленных культурных сил и сопротивлением представителей духовенства, не желавших расставаться с существовавшими в течение многих веков традициями, в том числе с представлениями, каким должно быть женское образование в крае. Интерес горянок к светскому образованию неуклонно возрастал.

В марте 1925 г. в газете «Красный Дагестан» видный дагестанский революционный деятель и просветитель С.И. Габиев опубликовал обширную статью «Труженица Дагестана в прошлом, настоящем и в перспективе», приуроченную

к Международному женскому дню. Вовлечение дагестанских женщин в новую жизнь, в социалистическое строительство С. Габиев тесно связал с их образованием и вовлечением в производство: «Школа, школа и школа. Вот та альфа и омега, которая даст действительное раскрепощение женщине Дагестана, да, я думаю, и всего мира. Отсюда ясный вывод: надо всеми путями вырвать хотя бы подрастающее поколение тружениц-мусульманок... вовлекая их в школы, устраивая для них кустарные артели привычного в Дагестане ручного женского труда по выделке ковров, паласов, местных сукон, бурок, вязанию чулок и других предметов первой необходимости... Надо добиться, чтобы юным девушкам-дагестанкам вне всякой нормы и очереди давались бы вакансии в педагогических учебных заведениях РСФСР как низшего типа, так и средних и высших учебных заведений, каждую осень посыпать туда по 5 и 10 горянок. Только сельская женщина-учительница вырвет из тьмы своих сестер и детей» [6].

Популярный просвещенец еще до революции 1917 г. в газетах «Заря Дагестана» и «Мусульманская газета» (1912–1914 гг.), издаваемых им в Петербурге, в статьях в других изданиях настойчиво ратовал за резкое повышение культуры, образования и правового положения дагестанцев, в частности дагестанских горянок. Эти вопросы продолжали волновать его в условиях развернувшегося социалистического строительства. Вместе с тем, после ознакомления со статьей С. Габиева в «Красном Дагестане» возникает вопрос, насколько автор был знаком с официальными материалами органов власти республики о работе среди женщин-дагестанок в первой половине 1920-х гг. К примеру, в докладе Отдела работниц и горянок Дагестанского обкома ВКП(б) (февраль 1927 г.) о работе среди женщин говорится, что «с 1922 по 1925 гг. в учебные заведения СССР из Дагестана было командировано 13 горянок и 21 женщина другой национальности» [31, л. 7, 8].

Данные местной, северокавказской и центральной печати свидетельствовали об активной роли женщин-горянок в осуществлении культсанпоходов во второй половине 1920-х и первой половине 1930-х гг. Женщины-горянки существенно пополнили контингенты не только пунктов ликвидации неграмотности, общеобразовательных школ, но и специальных учебных заведений. Часть дагестанских горянок, едва обучившись грамоте за время проведения культсанпоходов, стали обучать грамоте неграмотных дагестанцев, находили помещения для занятий и добивались открытия новых ликпунктов, вели разъяснительную работу среди местного населения о необходимости повышения уровня общей культуры, улучшения условий для преодоления отсталости в сфере санитарии и быта.

В рассматриваемые годы Дагестан, как и другие национальные районы, испытывал острую нехватку собственных культурных сил – специалистов в сфере общего и профессионального образования. Огромный вклад в прогресс культуры дагестанцев вносили русские специалисты – учителя, медицинские работники, агрономы, специалисты в области техники и др. В центральных, северокавказских и республиканских печатных изданиях публиковались материалы о роли русских, русскоязычных специалистов в повышении уровня общей культуры и образования дагестанских горянок.

В 1929 г. в журнале «Плановое хозяйство Дагестана» была напечатана статья А. Тахо-Годи «Урахинцы на плоскости», где рассказывалось о враче и научном сотруднике Махачкалинского Тропического института, которые активно боролись с широко распространенной в Дагестане в 1920-е, да и в последующие годы, опасной болезнью – малярией. «Женщина-врач (к сожалению, ее фамилия в статье не упоминается – авт.) самоотверженно обходила всех тяжелых постельных больных, впрыскивая хинин, камфару и раздавая хинин для приема, а научный

сотрудник Тропического института (фамилия сотрудника также не названа – авт.), обследовал наличие комара в самом ауле» [28, с. 94]. Благодаря напряженному труду специалистов-медиков, в составе которых свой крайне важный и почетный долг выполняли русские и русскоязычные врачи и медицинские работники со средним образованием, а также осуществлению антималярийных мероприятий к началу 1940-х гг. болезнь отступила и перестала носить массовый характер.

Русские, русскоязычные специалисты вели среди местного населения разнообразную разъяснительную работу, заботились о преодолении неграмотности, повышении образования, уровня бытовой культуры. 7 сентября 1922 г. газета «Красный Дагестан» опубликовала статью Э. Матвеевой «Женщина-рабочница и просвещение». В ней автор отмечала значение науки, образования и культуры для прогресса общества и призывала женщин, в частности работниц-дагестанок, настойчиво повышать уровень грамотности и образования в школах грамоты, ежедневно читать газеты, доступные книги. По словам автора, «труженица должна отрешиться от прозябания, помнить, что она строительница» [20].

В том же номере газеты была опубликована статья О. Кожемякиной «Женщина Дагестана», в которой описывалось, как должно меняться положение женщины в семье, в быту, какими путями дагестанская женщина должна идти к равноправию с мужчинами. «Женщина должна быть правой рукой своего мужа, его другом и товарищем, но не рабыней. Должна знать, что ты имеешь полное право садиться за стол и есть вместе с ним и что, имея одну кровать в доме, может спать на ней не только муж, но и ты... Для того чтобы изжить эти вековые предрассудки, ты, женщина Дагестана, – пишет автор, – должна воспитывать своих сыновей и дочерей, внушая им, что они являются совершенно равноправными по отношению друг к другу, к своим будущим женам и мужьям» [15].

Конечно же, авторы упомянутых статей, излагая суть проблемы равноправия полов, придерживались характерного для рассматриваемого времени стиля ее изложения, и при этом обеспечение равноправия женщины и мужчины связывали с необходимостью повышения уровня социально-культурной активности женщин Дагестана.

Весомый вклад в эти процессы внесли специалисты, в частности русские и русскоязычные, работавшие в 1920-е гг. в Отделе работниц-горянок Дагестанского Обкома ВКП(б) и в Комитете по улучшению труда и быта горянок при Президиуме ЦИК ДАССР. Их деятельность характеризовалась в докладах, отчетах, различного рода актах обследования этой важной социально-культурной сферы жизни республики, которые также регулярно публиковались на страницах периодических изданий.

Работа по повышению грамотности, по образованию горянок, их участию в деле улучшения санитарной и общей культуры резко активизировалась в конце 1920-х – первой половине 1930-х гг. Огромную роль в этом сыграл начавшийся в 1931 г. культсанштурм. В сборнике статей, посвященном 15-летию Октябрьской революции, подготовленном правительственный комиссией ДАССР (авторы статей не упомянуты – авт.), отмечается, что культсанштурм начался после решения бюро Дагестанского обкома ВКП(б) и Президиума ЦИК ДАССР о создании республиканского штаба по руководству штурмом. В печати появилось обращение Дагобкома ВКП(б), Правительства республики и Дагестанского Совета профсоюзов. Вопросы, связанные с проведением культсанштурма, широко обсуждались на массовых собраниях, слетах в селах республики, при этом особенно большое внимание уделялось вовлечению в подготовку к его проведению женщин-горянок [9, с. 68]. Была осуществлена большая работа по созданию материальной базы культсанштурма, подготовке культармейцев,

привлечению к ней учителей, других специалистов.

В книге отмечается, что в проведении культсанштурма существенную помощь оказали соседние области Северо-Кавказского края. Краевые организации посыпали в республику педагогов, медицинских работников. Авторы сообщают, что на постоянную работу в органах образования, здравоохранения в Дагестан прибыло 246 человек.

В результате огромной работы, проведенной на первом этапе культсанштурма, на 1 марта 1932 г. в ликпунктах Дагестанской АССР обучалось 194 060 человек. Авторы книги отмечают как особо положительный момент... вовлечение в обучение 103 434 женщин. Этому во многом способствовало открытие и деятельность 460 детских комнат с охватом 9690 детей [9, с. 70]. В книге упоминается и такой факт: план культсанштурма предусматривал на первом его этапе охватить обучением 100 малограмотных. Однако выяснилось, что большое количество взрослых, считавшихся малограмотными, на самом деле оказались неграмотными [9, с. 70]. В результате, на 1 марта 1932 г. обучались 57 339 малограмотных, в том числе 22 935 женщин [9, с. 71].

По подсчетам авторов книги, на первом этапе культсанштурма проводилось обучение 251 330 человек, и это, по их мнению, составляло больше половины взрослого населения республики [9, с. 71]. Они отмечали, что о «грандиозности побед», произошедших на фронте борьбы с неграмотностью, можно судить только при условии осознания трудностей, на фоне которых они были достигнуты – многоязычие, многонациональность края, слабость и острые нехватка кадров, необеспеченность ликпунктов помещениями, оборудованием, большое влияние «кулацко-мулльских элементов», – «в основе которых, наряду с другими причинами, лежат и темнота масс, и родовые пережитки» [9, с. 71].

Авторы сборника обратили внимание на то, что противники введения

светского образования и культсанштура активно использовали культурно-бытовые особенности дагестанского аула. Противодействие этим мероприятиям советской власти было замечено в некоторых селах Хасавюртовского и Цумадинского районов, отмечены случаи в селах Тляратинского и Ахтынского районов, когда для срыва занятий в ликпунктах устраивались драки, в Карапайском – напротив, свадьбы. В ауле Ташкапур Левашинского района выломали двери и окна ликпунктов, в Касумкентском районе терроризировали культармейцев и т.д. Расчет делался, как говорилось в издании, «на наиболее темные слои аула – на горянку» и принимались «противоправные меры к срыву деткомнат, чтобы женщины, загруженные заботой о детях, не могли спокойно обучаться» [9, с. 71]. В ауле Ругуджа Гунибского района после окончания занятий в женском ликпункте было совершено хулиганское нападение на двух учащихся-женщин с целью отобрать у них платки, что для горянки было равносильно обесчещению. Как отмечает Ф. Перебийнос, автор статьи «Большие успехи маленькой Чароды» в журнале «Революция и горец», для ограждения населения от этого влияния нужна была соответствующая подготовительная работа, как это к примеру делалось в Чародинском районе накануне культсанпохода. В результате в районе было открыто 143 ликпункта с охватом 3794 человек, в том числе 2315 женщин. Охват обучением взрослых выразился в 94%. Это были данные на 1 января 1932 г. [26, с. 208].

Таким образом, авторы анализируемых работ понимали, что вовлечение женщин-горянок в ликпункты проходило очень сложно. Исторически сложившиеся традиции, сильное влияние мусульманского духовенства, консервативный настрой значительной части мужского населения, считавшего предназначением женщины ведение домашнего хозяйства и воспитание детей, зачастую приводили к срыву этой работы. Если не помогали запреты и агитация против мероприятий

советской власти и обучения в советских школах, так как там, по словам противников эмансипации женщин, «будут преподавать такие же гяуры, как сидят во власти», то в ход шли оскорбительные слухи о женщинах, посещающих ликпункты и школы.

В статье Н. Мальсагова «Большевики Дагестана добились решающих побед на культурном фронте» описано, как противники культсанпохода (кулаки и духовенство) противодействовали ему и искали для этого опору в среде горянок. Так, в с. Уллубий (Карабудахкентский район) женщины, подстрекаемые противниками этого важного мероприятия советской власти, выступили против организации бригадой культпохода детской комнаты и заявили: «Если мы отдадим детей в комнаты, вы увезете их из Дагестана» [19, с. 70]. Потребовалась большая разъяснительная работа со стороны местных органов власти, чтобы переубедить женщин-матерей. Из с. Ухада в знак протesta против проведения культпохода, проделав пешком нелегкий путь длиною в 20 верст, в районный штаб пришли несколько женщин и потребовали закрыть ликпункты [19, с. 71].

В апреле 1932 г. в с. Шими Курахского района группа кулаков проводила агитацию среди населения против ликвидации неграмотности, заявляя, что ликвидация неграмотности среди женщин вовсе не обязательна и якобы советская власть такого закона не издавала, а это выдумки местных органов власти, поставивших цель «свободно добиваться развенчанности женщин». Понятно, что подобная агитация отрицательно сказывалась на посещаемости ликпунктов [32, л. 89].

В статье сообщалось и о фактах физической расправы над женщинами-активистками. Так, в начале 1930-х гг. факты убийства женщин-активисток имели место в Левашинском, Кахибском районах. Несмотря на это, в период культсанштура 1929–1932 гг. 488 женщин-активисток работали культармейками, и в ликвидации неграмотности приняли участие 388 женщин-учительниц [7].

В течение года после начала культсанпохода в Дагестане ликпункты окончили 111 328 человек, из них более половины – женщины. Из школ малограмотных было выпущено за это время 38 394 человека, в том числе около 15 тысяч женщин [14, с. 223].

Большую роль в распространении информации о ходе ликвидации неграмотности и малограмотности играла периодическая печать, о чем свидетельствует принятое 25 апреля 1933 г. постановление Президиума ЦИК ДАССР. За успешную работу в подготовке и проведении культсанпохода редакции республиканской газеты «Дагестанская правда» и Гунибской районной газеты, а также группа особо отличившихся дагестанцев – организаторов просветительной работы и культармейцев были награждены республиканскими премиями. Среди награжденных была культармейка-горянка из Табасаранского района Наймет Хан-Магомедова. Таких горянок-культармейек в годы проведения культсанпохода в республике было много [18, с. 424–426]. К примеру, в упомянутой выше статье Ф. Перебийноса сообщалось, что 5 марта 1932 г. в Чародинском районе состоялся слет культармейцев и учащихся, на котором присутствовало 500 делегатов. За образцовую работу на первом этапе культсанпохода было премировано 50 горянок-ударниц [24, с. 213].

В своей статье «Вседагестанский съезд по культурному строительству» Ф. Перебийнос называет других активисток – ликвидаторов неграмотности, а также и мужчин, обучавших женщин. Кавсарат Саадулаева, девушка из аула Килятль (Гумбетовский район), «с недоверием и страхом впервые в прошлом году переступила порог ликпункта. Теперь она организатор саклей горянок, обучает грамоте женщин». Байрам Нурали из Кахибского района, активный организатор мужских и женских ликпунктов, провел широкую разъяснительную работу, в результате чего аул Фили к 1 мая 1933 г. полностью ликвидировал

неграмотность. Наврузова Гюльпери из высокогорного Рутульского района, ликвидировав собственную неграмотность, активно взялась за работу среди женщин. Насибов Муртузали из Гумбетовского района обучил 40 женщин, организовал в районе соцсоревнование, выступил в роли инициатора дорожного строительства общественными силами. Алиев Абас из Чародинского района, активный участник культсанпохода, в течение двух месяцев содержал на свои средства двух ликвидаторов, он же организовал в школе горячие завтраки. Исрапилова Патимат из аула Кегери Гунибского района с 1931 г. непрерывно работала культармейкой и т.д. [25, с. 85].

Последующие этапы культсанпохода проходили под знаком борьбы за качество учебы и расширение сети школ для малограмотных. С 1933 г. заметно сокращается число ликпунктов, а в школах для малограмотных совершаются учебные программы, увеличиваются сроки обучения, устанавливается стабильный учебный год. Вместо трехмесячного ликпункта создается трехгодичная школа взрослых с программой начальной школы, обучение в которой ведется по стабильным учебникам для школ взрослых на семи дагестанских языках, а в 1934–35 учебном году вводятся обязательные проверочные испытания.

В итоге большой работы республиканской и местных органов власти, комсомольских, профсоюзных организаций, благодаря помощи центральной власти страны, краев и областей Северного Кавказа к 1937 г., т.е. к последнему году второй пятилетки и ко времени принятия новой Конституции ДАССР, грамотность населения республики достигла 75% [11], а по данным Всесоюзной переписи населения 1939 г. грамотность городского населения Дагестанской АССР в возрасте 9–49 лет составила 82,5%, а сельского – 81,2% [5, с. 145, 147, 149].

Проблема развития социально-культурной сферы в рассматриваемые годы, вовлечение в ее ускоренный прогресс

женского населения требовала осуществления радикальных мер для преодоления крайне низкого уровня общего образования, охвата обучением всех детей школьного возраста, в том числе девочек-горянок. На пути ее решения встречались огромные трудности, в том числе материально-финансового характера.

В периодических изданиях рассматриваемого периода можно встретить данные о выделении центральным Советским правительством Дагестану средств для оказания помощи в развитии общего образования в республике. Так, журнал Дагестанского обкома ВКП(б) «Звезда» № 3(11) сообщал, что в 1925–26 году бюджет Наркомпроса ДАССР возрос по сравнению с 1924–25 годом более чем в два раза и составил 1 684 757 рублей [22, с. 45]. В 1927–28 бюджетном году на народное образование было ассигновано 3,5 млн. рублей – в 6,2 раза больше, чем в 1923–24 году [22, с. 45].

В 1927 г. Наркомпрос ДАССР опубликовал сборник статей «На путях к всеобщему обучению» [23]. В нем говорилось о возросшем интересе дагестанцев к современному образованию, который объяснялся повышением внимания к обучению детей со стороны республиканских, окружных и городских органов власти, общественных организаций. Вопросы народного образования, в частности перехода ко всеобщему обучению детей, обсуждались на съездах и сессиях Советов, партийных конференциях, ими стали активнее заниматься общественные организации. Эти вопросы выносились на широкое обсуждение на беспартийных конференциях и широко освещались на страницах периодических изданий.

Приметой времени, все чаще освещавшейся на страницах местной и региональной печати, свидетельствующей о растущем авторитете новой школы и доверии к ней со стороны населения, стало увеличение числа обучающихся девочек. Первые годы советской власти в школах Дагестана обучалось весьма незначительное количество девочек, особенно

в сельской местности. Для вовлечения девочек-горянок в школы в те годы приходилось открывать в некоторых горных округах специальные женские школы. Эта времененная мера дала возможность увеличить охват обучением девочек-горянок и способствовала подготовке условий для дальнейшего развертывания сети сельских школ с совместным обучением детей обоего пола. В 1925–26 учебном году во всех школах первой ступени республики обучалось уже 5660 девочек: их число возросло по сравнению с предыдущим учебным годом более чем в 1,5 раза [21, с. 72].

Рост сети общеобразовательных школ, количества обучающихся в них сопровождался улучшением учебной и воспитательной работы. Газета «Красный Дагестан» 3 октября 1927 г. опубликовала статью заместителя Наркома просвещения ДАССР С.М. Омарова, в которой говорилось, что в 1927–28 учебном году в городских школах, а также в тех сельских школах республики, где имелись квалифицированные педагогические кадры, были введены программы Государственного ученого совета. Эти программы, по мнению автора, не только определяли объем знаний и навыков, которые учащийся должен был получить в школе, но и предусматривали связь обучения с общественно-полезным трудом, вносили корректиды в приемах и методах школьной жизни. Новые программы, хотя и не были лишены недостатков, отличались от действовавших до этого в школах Дагестана программ большей последовательностью в расположении учебного материала [17]. Журнал «Звезда» сообщал, что в том же 1927–28 учебном году впервые школам были даны конкретные программы по организации трудового процесса, физическому воспитанию, изобразительному искусству, пению [22, с. 46].

Одновременно в республике делалось многое для подготовки квалифицированных учительских кадров, в том числе учительниц-горянок. Первых молодых учителей для дагестанских школ

стали выпускать Буйнакский и Дербентский педтехникумы. В 1927–28 учебном году в них обучалось 356 учащихся. В 1927 г. педтехникумы и педкурсы республики выпустили 102 учителя, в том числе 7 горянок [21, с. 72].

Однако в сфере образования, в том числе женского, к концу 1920-х годов оставалось множество нерешенных проблем. Сказывались, естественно, и специфические особенности Дагестана: этническая пестрота, многоязычие, преобладание аулов с небольшим числом жителей. Так, ко времени введения всеобщего начального обучения в Дагестане насчитывалось до 1900 населенных пунктов, в которых проживало менее 500 жителей. В 63,4% аулах республики насчитывалось менее 200 жителей [1, с. 135]. Чтобы охватить обучением детей этих маленьких аулов и хуторов, нужно было повсеместно открыть школы или создать в более крупных селениях школы-интернаты. И в первом, и во втором случаях вопрос упирался в материально-финансовые средства: требовалось увеличение бюджетных ассигнований и мобилизация всевозможных внебюджетных средств, в том числе добровольно выделяемых населением.

В 1930 г. в республике было сдано в эксплуатацию 29 школ. В 1931 г. – 43 школы, а в 1932 г. – 205 школ, 104 из них были построены населением на свои средства и своими силами. Об этом сообщила «Дагестанская правда» 29 июня 1933 г. В той же газете 13 декабря 1933 г. была напечатана статья, в которой приводились неполные сведения о том, что с декабря 1931 г. по июнь 1933 г. население Дагестана израсходовало на школьное строительство 2 млн. 300 тыс. рублей. В 1932–1933 гг. в республике было построено 434 школьных здания [12].

Это позволило резко увеличить количество учащихся в общеобразовательных школах: с 88,6 тыс. учащихся в 1930–31 учебном году до 135,5 тыс. в 1932–33 учебном году. В связи с

введением начального всеобуча доля девочек в таких школах возросла с 32% в 1931 г. до 39% в 1932, 41,7% в 1933 и 42% в 1934 гг. [7, с. 123]. Однако в старших классах общеобразовательных школ охват девочек-горянок оставался еще незначительным. Сказывалось влияние сложившихся традиций, пережитков неравноправного положения женщины с мужчиной, практики ранней выдачи девушек замуж и др.

Во второй половине 1930-х годов происходит не только общий рост девочек в общеобразовательных школах, но и значительные изменения в соотношении обучающихся мужчин и женщин. Для достижения прогресса в этой сфере властные структуры республики при огромной помощи Центра совершенствуют условия жизни и деятельности женщин путем расширения сети детских яслей и садов, учреждений охраны материнства и детства и др.

Забегая вперед для завершения полноты картины, отметим, что по данным А.И. Гасановой, посвятившей специальное исследование эмансипации женщины-горянки в Дагестане в 1920–1940 гг., в 1939–40 учебном году в школах республики обучалось 72 386 девочек, что составляло 43,8% всех учащихся общеобразовательных школ, в том числе около 64 132 горянок [7, с. 124]. Исследователь обратила внимание на то, что в обучении девочек-горянок в общеобразовательной школе в предвоенные годы сохранялись проблемы. В старших классах количество обучающихся горянок все еще было низким, а их отсев значительным. К концу 1940 г. многие из детей, подлежащих обучению, оставались вне школы, а сельскими общеобразовательными школами не были охвачены 12 882 детей и подростков, в том числе 5607 девочек-горянок [7, с. 124].

В предвоенном 1940–41 учебном году в ДАССР насчитывалось более 1300 школ, в которых обучалось свыше 210 тыс. учащихся. В общеобразовательных школах республики работало 7347 учителей [26, с. 119]. Большую

позитивную роль в вовлечение девочек-горянок в обучение в общеобразовательной школе сыграли русские, русскоязычные учителя, на что также обращали внимание авторы газетных и журнальных публикаций рассматриваемого периода.

Советское государство усиливало работу по подготовке женских кадров. В Дагестане открылись краткосрочные и двухгодичные курсы, на которых горянки готовились к профессиональной деятельности в сфере производства, культурного строительства, а также к общественной работе. Вопросы эти поднимались на специальных собраниях и совещаниях женщин. В 1924 и 1925 годах вопросы просвещения горянки рассматривались на III и IV Съездах женщин Дагестана, материалы о работе которых публиковались в периодической печати.

Уже в первые годы после образования Дагестанской АССР на учебу вне республики были направлены десятки девушек в специальные учебные заведения, а во второй половине 1920-х гг. в Дагестане были открыты специальные женские средние учебные заведения. В 1926 г. в Махачкале заработал женский медицинский техникум, готовивший акушерок. К концу первой пятилетки (1932 г.) в нем обучалось 190 девушек, из них 75 горянок. В 1930–1940 гг. техникум подготовил свыше 1200 медицинских работников средней квалификации. Большую часть выпускников учебного заведения составляли женщины-горянки [7, с. 127].

В 1930 г. в Дербенте открылось второе специальное среднее учебное заведение – Ковровый техникум. Срок обучения в техникуме, согласно данным, которые приводил Р. Фатуев в статье «Дагестанские ковры», опубликованной в журнале «Революция и национальности» в 1936 г., был пятилетним. В нем функционировали подготовительный и четыре основных курса [29, с. 69]. Первый выпуск техникум сделал в 1935 г.: учебное заведение окончили 11 девушек-горянок [7, с. 127].

Однако в целом в контингенте учащихся средних специальных учебных заведений доля девушек-горянок оставалась незначительной. Так, в 1927 г. Буйнакский и Дербентский педагогические техникумы вместе с педкурсами выпустили 102 учителя, из них только 7 горянок [21, с. 72]. В 1927–28 учебном году в Дагестане доля девушек в общем числе учащихся составляла: в педтехникумах – 25%; на педкурсах – 7%, в школах профессионального образования – 33,5%; в вузах и рабфаках – 17,5% и т.п. В статье А. Аминовой «О работе среди трудящихся горянок», опубликованной в журнале «Революция и горец», приводятся данные по национальным областям Северного Кавказа за 1929–30 учебный год видно, что показатели Дагестана в целом близки к средним значениям по региону: в вузах обучалось 19% горянок, а в техникумах 16% [2, с. 44].

В последующие годы в связи расширением сети средних специальных учебных заведений и открытием трех вузов: педагогического института в 1931 г., медицинского и сельскохозяйственного в 1932 г. число учащихся-горянок заметно возросло. В 1930–1932 гг. для направляемых в вузы за пределами Дагестана был установлен ряд льгот. Для женщин-работниц и горянок допускалась отсрочка приемных экзаменов, они обеспечивались повышенными стипендиями. Наркоматы должны были усилить контроль за правильным использованием брони, создать принятым по брони условия для быстрого усвоения русского языка, вовлечь успешно окончивших институты представителей национальных республик и областей в аспирантуру.

На состоявшемся 29 мая 1930 г. заседании правления Дагестанского отделения Союза работников просвещения был заслушан доклад Наркомпроса ДССР о национальном и социальном составе учащихся в вузах, техникумах и школах повышенного типа. В докладе говорилось, что при комплектовании

техникумов и вузов должны были в первую очередь привлекаться дети рабочих, батраков и бедняков. Во вторую очередь – дети красных партизан, «доказавших на практике свою преданность делу рабочего класса». Наркомпросу следовало проверять социальный состав тех, кто вошел в графу «прочие». Большое внимание обращалось на создание условий для привлечения в специальные учебные заведения женщин, особенно женщин-горянок. Таким образом, можно согласиться с мнением современного специалиста по гендерной истории М. Делалой, что власть предлагала эмансипацию, прежде всего для женщин из непривилегированных слоев (рабочие, крестьянки) [13].

Конечно же, рост уровня общего и профессионального образования расширял возможности выдвижения дагестанской горянки на престижные должности в республиканские, городские, районные и сельские органы власти, руководящую работу в сфере производства, общественной деятельности, культуры, здравоохранения и др. Так, Р. Магомедова стала народным комиссаром социального обеспечения, С. Хизроева – наркомом юстиции, С. Шапиева – заместителем наркома здравоохранения, Пашаева – заведующей отделом национальностей ЦИК ДАССР, У. Багаева – наркомом местной промышленности и т.д. 8 марта 1937 г. в «Дагестанской правде» появилась статья, в которой рассказывалось, как У. Багаева, мать четырех детей, воспитать которых ей помогло государство, поступила в Московский институт пищевой промышленности, успешно окончила его в 1936 г., стала инженером-педагогом и была назначена заместителем директора крупного промышленного предприятия, а в последующем выдвинута на должность наркома местной промышленности ДАССР [10].

Итак, документальные источники и региональные историографические наработки свидетельствуют о том, что

в 1920–1930-е гг. в развитии образования, в частности женского, в Дагестане были достигнуты впечатляющие успехи: женщины-горянки многонационального горного края в основном ликвидировали свою неграмотность и малограмотность, им был открыт широкий доступ в общеобразовательные школы, учебные заведения среднего и высшего профессионального образования. К концу 1930-х гг. женщины Дагестана все увереннее стали занимать достойное место в составе специалистов различных отраслей народного хозяйства и культуры.

Эти вопросы находили отражение в литературе рассматриваемого времени. Многие из рассмотренных нами работ нельзя отнести к числу научных, поскольку зачастую они были написаны общественными и государственными деятелями, практическими работниками, корреспондентами периодических изданий. Авторы публикаций являлись современниками описываемых событий, непосредственно участвующими в осуществлении политики государства в деле вовлечения женщин в социально-экономическую, общественно-политическую и культурную жизнь страны, региона. Используя имеющиеся в их распоряжении решения органов власти, партийных органов, статистические данные, отчеты с мест, собственные наблюдения, контакты с населением, в том числе с его женской частью, они в своих статьях и брошюрах излагали свое видение происходящего, уникальные факты современной им реальности. Опираясь на принципы марксистско-ленинской методологии, демонстрируя приверженность идеям социализма, социалистического строительства, порой весьма эмоционально, авторы охарактеризованных нами работ внесли свой весомый вклад в региональную историографию женской истории 1920–1930-х гг., заложив основы исследований будущих поколений историков.

ЛИТЕРАТУРА:

1. 10 лет социалистического строительства Дагестанской АССР. Махачкала: Даггосиздат, 1931. 159 с.
2. Аминова А.О работе среди трудящихся горянок // Революция и горец. 1932. № 1. С. 40–45.
3. Астемиров Б. Большевистские победы Дагестанской парторганизации на фронте культурной революции // Революция и горец. 1931. № 5(31).
4. Баскакова М.Е. Мужчины и женщины в системе образования // Вопросы образования. 2005. № 1. С. 276–277.
5. Всесоюзная перепись населения 1939 года: основные итоги. М.: Наука, 1992. 254 с.
6. Габиев С. Труженица Дагестана в прошлом, настоящем и в перспективе // Красный Дагестан. 1925. 8 марта.
7. Гасанова А.И. Раскрепощение женщины-горянки в Дагестане (1920–1940 гг.). Махачкала, 1963. 157 с.
8. Горяинов А. Советский Дагестан на путях культурной революции // Революция и горец. 1931. № 5(31). С. 32–34.
9. Дагестан к 15-й годовщине Октября. Махачкала: Даггосиздат, 1932. 95 с.
10. Дагестанская правда. 1937. 8 марта.
11. Дагестанская правда. 1937. 23 июня.
12. Дагестанская правда. 1933. 13 декабря.
13. Делалой М. Усы и юбки. Гендерные отношения внутри кремлевского круга в сталинскую эпоху (1928–1953). М.: РОССПЭН, 2018. 374 с.
14. Каймаразов Г.Ш. Очерки истории культуры народов Дагестана. От времени присоединения к России до наших дней. М.: Наука, 1971. 475 с.
15. Кожемякина О. Женщина Дагестана // Красный Дагестан. 1922. 7 сент.
16. Косетченкова Е.А. Трудовая деятельность женщин как фактор получения профессионального образования // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: История. 2009. № 23 (161), вып. 33. С. 89–98.
17. Красный Дагестан. 1927. 3 окт.
18. Культурное строительство в Дагестанской АССР. 1918–1941 гг.: сборник документов. Т. 1. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1980. 764 с.
19. Мальсагов Н. Большевики Дагестана добились решающих успехов на культурном фронте // Революция и горец. 1932. № 4. С. 70–75.
20. Матвеева Э. Женщина-работница и просвещение // Красный Дагестан. 1922. 7 сент.
21. Материалы к отчету правительства VII-му Вседагестанскому съезду Советов. Махачкала: ЦИК ДСС, 1929. 98 с.
22. На культурном фронте. ОДН в цифрах // Звезда. 1928. № 3(11). С. 42–47.
23. На путях к всеобщему обучению. Махачкала: Наркомпрос ДССР, 1927. 46 с.
24. Перебийнос Ф. Большие победы маленькой Чароды // Революция и горец. 1932. № 10/12. С. 206–214.
25. Перебийнос Ф. Вседагестанский съезд по культурному строительству // Революция и горец. 1933. № 6/7. С. 81–85.
26. Советский Дагестан за 40 лет: статистический сборник. Махачкала: Госстатиздат, 1960. 158 с.
27. Тахо-Годи А. Подготовка вузовских кадров нацмен // Революция и национальности. 1930. № 6. С. 80–87.
28. Тахо-Годи А. Урахинцы на плоскости // Плановое хозяйство Дагестана. 1929. № 9/10. С. 90–96.
29. Фатуев Р. Дагестанские ковры // Революция и национальности. 1936. № 6.

30. Хасбулатова О.А. Женщины и образование в России: исторический обзор (1860–2000 гг.) // Женщина в российском обществе. 2003. № 1/2. С. 31–35.
31. Центральный государственный архив Республики Дагестан (ЦГА РД). Ф. 566-п. Оп. 2. Д. 1.
32. ЦГА РД. Ф. 800-р. Оп. 2. Д. 44.

REFERENCES:

1. 10 years of socialist construction of the Dagestan ASSR. Makhachkala: Daggosizdat, 1931. 159 p.
2. Aminova A. About the work among working mountain women // Revolution and a highlander. 1932. No. 1. P. 40–45.
3. Astemirov B. Bolshevik victories of the Dagestan party organization in the cultural revolution // Revolution and a highlander. 1931. No. 5 (31).
4. Baskakova M.E. Men and women in the education system // Education Issues. 2005. No. 1. P. 276–277.
5. All-Union Population Census of 1939: Main Results. Moscow: Nauka, 1992. 254 p.
6. Gabiev S. A toiler of Dagestan in the past, present and in perspective // Red Dagestan. 1925. 8 March.
7. Gasanova A.I. Emancipation of a Woman Mountaineer in Dagestan (1920–1940). Makhachkala, 1963. 157 p.
8. Goryainov A. Soviet Dagestan on the path of the cultural revolution // Revolution and a highlander. 1931. No. 5 (31). P. 32–34.
9. Dagestan to the 15th anniversary of the October Revolution. Makhachkala: Daggosizdat, 1932. 95 p.
10. The Dagestan truth. 1937. 8 March.
11. The Dagestan truth. 1937. 23 June.
12. The Dagestan truth. 1933. 13 December.
13. Delaloy M. Mustache and Skirts. Gender relations within the Kremlin circle during the Stalin era (1928–1953). Moscow: ROSSPEN, 2018. 374 p.
14. Kaymarazov G.Sh. Essays on the history of the culture of the peoples of Dagestan. From the time of joining Russia to the present day. M.: Nauka, 1971. 475 p.
15. Kozhemyakina O. A Woman of Dagestan // The Red Dagestan. 1922. 7 September.
16. Kosetchenkova E.A. Labor activity of women as a factor in obtaining professional education // Bulletin of the Chelyabinsk State University. Series: History. 2009. No. 23 (161), issue. 33. P. 89–98.
17. The Red Dagestan. 1927. 3 October.
18. Cultural construction in the Dagestan ASSR. 1918–1941: collection of documents. V. 1. Makhachkal: Dagknigoizdat, 1980. 764 p.
19. Malsagov N. Bolsheviks of Dagestan achieved decisive successes on the cultural front // Revolution and a highlander. 1932. No. 4. P. 70–75.
20. Matveeva E. A woman worker and education // The Red Dagestan. 1922. 7 September.
21. Materials for the report of the government to the 7th All-Dagestan Congress of the Soviets. Makhachkala: CEC DSS, 1929. 98 p.
22. On the cultural front. ODN in numbers // Zvezda. 1928. No. 3 (11). P. 42–47.
23. On the path to universal education. Makhachkala: People's Commissariat for Education of the DSSR, 1927. 46 p.
24. Perebiynos F. Big victories of the little Charody // Revolution and a highlander. 1932. No. 10/12. P. 206–214.

25. Perebiynos F. All-Dagestan Congress on Cultural Construction // Revolution and a highlander. 1933. No. 6/7. P. 81–85.
26. Soviet Dagestan for 40 year period: a statistical collection. Makhachkala: Gosstatizdat, 1960. 158 p.
27. Takho-Godi A. Training of university cadres of ethnic men // Revolution and nationalities. 1930. No. 6. P. 80–87.
28. Takho-Godi A. The Urakhines on the plane // Planned economy of Dagestan. 1929. No. 9/10. P. 90–96.
29. Fatuev R. The Dagestan carpets // Revolution and nationalities. 1936. No. 6.
30. Khasbulatova O.A. Women and Education in Russia: A historical overview (1860–2000) // A woman in Russian Society. 2003. No. 1/2. P. 31-35.
31. Central State Archives of the Republic of Dagestan (CSA RD). F. 566-p. Op. 2.D.1.
32. CSA RD. F. 800-r. Op. 2.D. 44.